

<https://doi.org/10.22455/978-5-9208-0740-3-154-167>

<https://elibrary.ru/HHRTQV>

УДК 821.161.1.0

ББК 83.3(2Рос=Рус)

Научная статья / Research Article

This is an open access article
Distributed under the Creative
Commons
Attribution-NonCommercial 4.0
(CC BY-NC)

© 2023 г. М.В. Михайлова

«ЖЕНСКИЙ МИР» НА СТРАНИЦАХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ В.Г. КОРОЛЕНКО

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 23-28-00348, <https://rscf.ru/project/23-28-00348/>) в ИМЛИ РАН

Аннотация: Обращаясь к творчеству В.Г. Короленко (1853–1921), исследователи обычно останавливаются на характеристике идейного содержания и жанровых поисках писателя. Изображение им женщин почти никогда не привлекает внимания (исключением являются героиня рассказа «Чудная» и мать и невеста в «Слепом музыканте»). В этом есть резон: женщины, действительно, отодвинуты у Короленко на второй план. В первую очередь его занимают нравственные поиски мужских персонажей, их самоопределение и общественная атмосфера в России. Тем не менее можно утверждать, что героини не только «подсвечивают» важнейшие в жизни героев моменты, но и раскрывают такие грани жизни, которые, оставаясь в тени, определяют ее динамику, точно указывают на «болевы́е точки». В статье ранняя повесть «Эпизоды из жизни «искателя»» (1879) с ее «хороводом» женских образов рассматривается как источник женских характеров, привлекавших писателя и в дальнейшем, в частности, в рассказах и повестях «Чудная» (1880), «Слепой музыкант» (1898), «Марусина заимка» (1899), «Не страшное» (1904).

Ключевые слова: В.Г. Короленко, «Эпизоды из жизни «искателя»», «Чудная», «Слепой музыкант», критик Ф.Д. Батюшков, женские образы.

Информация об авторе: Мария Викторовна Михайлова — доктор филологических наук, профессор, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Ленинские горы, д. 1, стр. 51, 119991 г. Москва, Россия; ведущий научный сотрудник, Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, ул. Поварская, д. 25 а, 121069 г. Москва, Россия.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-8193-6588>

E-mail: mary1701@mail.ru

Для цитирования: Михайлова М.В. «Женский мир» на страницах произведений В.Г. Короленко // Фемининность и маскулинность в культуре модерна: Россия и зарубежье / отв. ред. В.Б. Зусева-Озкан. М.: ИМЛИ РАН, 2023. С. 154–167.

<https://doi.org/10.22455/978-5-9208-0740-3-154-167>

© 2023. Maria V. Mikhailova

“WOMEN’S WORLD” ON THE PAGES OF V. KOROLENKO’S WORKS

Acknowledgements: The research was carried out with support of a grant from the Russian Science Foundation (project no. № 23-28-00348, <https://rscf.ru/project/23-28-00348/>) at IWL RAS.

Abstract: The scholars examining the works of Vladimir Korolenko (1853–1921) usually focus on the characterization of the ideological content of his writings and his search for the genre, while his representation of women almost never attracts attention (the exception are the heroine of the story *The Strange One* and mother and bride in *The Blind Musician*). There is a reason for this: women have indeed been pushed aside by Korolenko. He is primarily occupied by the moral search of his male characters for self-identification and by the social atmosphere in Russia. However, it can be argued that heroines not only “highlight” the most important moments in the life of Korolenko’s male protagonists, but also reveal such facets of life, which, while remaining in the shadows, determine its dynamics, and precisely indicate “pain points”. In this article the early story *Episodes from the Life of a “Seeker”* (1879) with its female “chorus” is considered as a source of female characters that attracted the writer in the future, in particular, in the stories *The Strange One* (1880), *The Blind Musician* (1898), *Marusya’s Lodge* (1899), *Isn’t It Terrible?* (1904).

Keywords: Vladimir Korolenko, *Episodes from the Life of a “Seeker”, The Strange One, The Blind Musician*, literary critic F. Batyushkov, female characters.

Information about the author: Maria V. Mikhailova, DSc in Philology, Professor, Lomonosov Moscow State University, Leninskie Gory, 1, building 51, 119991 Moscow, Russia; Leading Research Fellow, A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Povarskaya 25 a, 121069 Moscow, Russia

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-8193-6588>

E-mail: mary1701@mail.ru

For citation: Mikhailova, M.V. “‘Women’s World’ on the Pages of V. Korolenko’s Works.” *Femininity and Masculinity in the Modernist Culture: Russia and Abroad*. Ex. ed. Veronika B. Zuseva-Özkan. Moscow, IWL RAS Publ., 2023, pp. 154–167. (In Russian)

<https://doi.org/10.22455/978-5-9208-0740-3-154-167>

О творчестве и личности Владимира Галактионовича Короленко (1853–1921) в литературоведении сложилось устойчивое мнение, которое в общем не меняется годами: честнейший писатель демократической ориентации, чуткий к нравственной проблематике, ярчайший публицист, всегда оказывающийся на стороне униженных и оскорбленных. Глубокое чутье к противоречивым качествам представителей народа подсказало ему образ Тюлина из рассказа «Река играет» (1892), олицетворяющего готовность стать «героем на час» и погружающегося в апатию, как только опасность исчезает. В целом при упоминании этого писателя в сознании обычно возникает устойчивый набор произведений, где ярко обозначено его «стремление увидеть в “единице” из массы личность, вырывающуюся из ранжира, с ожившим чувством независимости, потенциальной способностью к героическому действию <...>» [Тагер, с. 186]. Это и «Парадокс» (1894), и «Сон Макара», и «Без языка» (оба — 1895), и ряд других. Но почти всегда такая «способность к героическому действию» отдана мужчине. Не случайно один из наиболее чутких знатоков его творческой манеры, критик Ф.Д. Батюшков, нащупав непрерываемую линию, объединяющую все творчество писателя, заметил: «<...> придерживаясь общих, нормальных этапов развития ребенка, *отрока, юноши* (Курсив мой. — М.М.), Короленко с особой настойчивостью возвращается <...> к смене иллюзий и разочарований <...>» [Батюшков, 1910, с. 173]. И он же только раз и весьма общо обмолвился об одной из героинь Короленко: Эвелина — «один из симпатичнейших образов в галерее женских типов,

созданных нашей литературой» [Батюшков, 1902, с. 192]. Итак, в первую очередь взор писателя сосредоточен на отроках, юношах, мужчинах...

Ни для кого не секрет, что Короленко интересуется прежде всего самоопределение мужчины в социуме. Об этом говорит и последнее его масштабное незавершенное произведение «История моего современника» (1921), где под видом автобиографии он дал картину становления героя, занятого переустройством общества (женщины там присутствуют в минимальном количестве, чаще всего лишь «аккомпанируют» внутренней мелодии, приводящей юношу в стан противников власти). И современников Короленко, и позднейших исследователей почти всегда интересовал «мотив потенциальной революционно протестующей энергии» [Тагер, с. 186], заключенной в мужчинах. Исключением можно считать рассказ «Чудная» (1880), о котором речь пойдет ниже. И если и заходила речь о романтической струе в творчестве писателя, то это никак не было связано с любовной тематикой (которая, действительно, у него обозначена пунктирно), а писалось о любви к природе, причем в описании этой любви проскальзывали порой даже эротические ноты. Как, например, у А.В. Луначарского: «<...> ласка природы могуча, и нельзя досыта упиться ею <...>» [Луначарский, с. 78].

Обратимся к самому первому произведению писателя, которое он совершенно не ценил, считал неудачей и не включал ни в одно из своих собраний сочинений, выпущенных при жизни. «Эпизоды из жизни “искателя”» предстали перед публикой только один раз: повесть была напечатана в журнале «Слово» (1879. № 7). Недовольство Короленко своим детищем было связано, по-видимому, с художественным несовершенством произведения. И здесь автор был прав: очевидна композиционная «несогласованность» частей, растянутость отдельных сцен (момент спасения героем своего знакомого на железнодорожной насыпи длится и длится...). В итоге «эпизоды» вылились в довольно плавное повествование от первого лица о большом отрезке жизни. Однако в этой повести, на наш взгляд, заключен комплекс тех идей, которые автор впоследствии будет развивать в своем творчестве, намечена «расстановка» персонажей, характерная и для будущих его произведений.

В центре повести тоже мужчина, чей характер дается через саморефлексию (повествование ведется от первого лица, все происходящее мы видим глазами рассказчика, который стремится точно передать возникающие в нем ощущения). Главную идею повести Ф.Д. Батюшков определил как отказ от «эгоистичного счастья», которое

«заглушает и подавляет любовь-жалость к людям <...>» [Батюшков, 1910, с. 175]. Иными словами, перед нами духовное перерождение героя. Но нравственное чутье героя заостряется, иерархия ценностей выстраивается именно благодаря женскому окружению. И если вначале юноша бредет по жизни ощупью, то в финале, который отделяют от описываемых событий несколько лет, он предстает уже полностью сформировавшимся человеком. В этом плане «композиционное ядро» явно ориентировано на «Героя нашего времени» М.Ю. Лермонтова, где женские персонажи тоже «кружат» вокруг Печорина.

Практически все женщины в этой повести, действие которой происходит, по всей видимости, на северо-западе Украины, откуда родом сам Короленко, так или иначе претендуют на сердце героя, которое до конца остается свободным, так как, по мысли писателя, мужчина должен всегда пребывать в поиске, всегда стремиться к самоопределению и совершенству. Накопление впечатлений и знаний обогащает «искателя», помогая ему выстоять в жизни. Так в художественном мире Короленко с самого начала манифестируется доминирование «мужского» над «женским». Собственно, все произведение — это гимн вечной неуспокоенности, которая, по Короленко, и формирует маскулинность субъекта. Но эту «маскулинность» герой должен обрести, доказать и отстоять.

Женских образов в повести довольно много, как эпизодических, так и выдвинутых на авансцену. «Молодая, богатая, полная и неглупая» [Короленко, 1989, с. 34] вдова Сорокаева открывает эту галерею, оставаясь за пределами повествования. О ней мы узнаем от слуги, которому она сказала о своем желании познакомиться с новоприбывшим молодым человеком. Она не скрывает своих намерений, поэтому сразу указывает на имеющиеся у нее достоинства («грóши» и «биле личико») и напоминает о малороссийской песне «Семена», где говорится о значении денег в матримониальных делах. Возможно, какие-то слухи о ней доходили до рассказчика раньше, потому что он замечает, что такие действия «были для нее очень характерны», и это вызывает у него едва ли не негодование: он не церемонясь просит передать ей, чтобы «перед батька не лизе в пекло» и что «пусть дожидается, пока за ней с ее грошами будут свататься сами» [Короленко, 1989, с. 34]. Подобный типаж будет воспроизведен М. Горьким в пьесе «Дети солнца» (1905): там купчиха Меланья тоже предлагает себя и свои деньги химику Протасову, который, витая в эмпиреях, почти не понимает, о чем идет речь. Здесь же Сорокаева введена с целью подчеркнуть бескорыстие героя.

На первом плане две героини: юная провинциалка Соня и молодая женщина, которая названа Голубкой (ее фамилия по мужу Голубева — но превращение фамилии в прозвище отвечает внутренней характеристике персонажа). Соня — обычная девушка, мечтающая о простом семейном счастье, что становится очевидным по мере развертывания сюжета. В повествование Соня входит вместе с письмом, адресованным Борису Гавриловичу Дубраве (так мы узнаем имя героя-рассказчика), в котором ее отец приглашает «искателя» в гости. Хотя Соня настоятельно зовет героя не от своего имени, очевидно, что встретиться с ним желает в первую очередь она сама. А вот ее настойчивость совсем не кажется рассказчику предсудительной — ведь она исходит от «милой девушки» [Короленко, 1989, с. 36], которая не ведет разговор о деньгах, не предлагает себя в жены, а просто хочет поближе познакомиться с соседом. Знакомство будет продолжено, и ее чувства явно найдут в Борисе отклик. Но что-то удерживает его от того, чтобы принять окончательное решение о браке или хотя бы отдаться чувству влюбленности. Короленко, рисуя сомнения и колебания героя, точно изображает внутреннее недовольство Бориса собой — ведь он вселил в девушку надежду. Но причины своей нерешительности он понять не в состоянии. Короленко явно пробует обозначить проявления бессознательных импульсов, которые не поддаются прямому определению.

Зато причину может «вычислить» читатель: в колебаниях героя подспудно сыграло роль то, что от слуги он узнал о супругах, которых прозвали голубями, а их усадьбу — Голубятней потому, что они «хорошо живут, умеют любить» [Короленко, 1989, с. 40]. Знакомство с «голубями» происходит случайно, но «подготовительная работа» была проведена, фундамент был заложен. Поэтому, встретив в лесу мужчину и женщину и став невольным свидетелем их поцелуев, рассказчик сразу понимает, кто это. Но идиллия оказывается не столь безусловной. Рассказчик улавливает в словах Голубки, обращенных к мужу, скрытое раздражение и вскоре понимает, что имеют место расхождения на «идеологической» почве. Голубка просит нового знакомого помочь ей с освоением химии, потому что муж не поддерживает ее увлечения медициной, противится тому, чтобы она возилась «с больными бабами». Может показаться, что его поведение продиктовано заботой о жене, так как он любит ее и дорожит ее здоровьем. Но ясность вскоре внесет тот же старый слуга, который о них и рассказывал (он выполняет в повести роль вестника и резонера): «Эх, себя любил, вот что!» — скажет он.

В конце концов непонимание мужа, его противодействие желаниям героини, неготовность дать ей возможность быть самой собой становятся причиной трагедии. Спрятав от нее пальто и калоши в надежде, что это удержит ее от похода к больной оспой девочке (ведь «оспа безобразит» — так объясняет Голубка его запрет), он не достигает желанной цели. Голубка все равно покидает дом, но, одетая легко, попадает под дождь и смертельно заболевает. Читателю становится ясно, что рассказчик и Голубка были настроены на одну волну, но обстоятельства и мужское самолюбие ее супруга, демонстрирующего «псевдомужественность», не дали развиваться их чувствам.

Далее следует эпизод, который, вероятно, и послужил причиной недовольства Короленко своим сочинением. Двое мужчин, можно сказать, состязаются в благородстве. Один — муж, истерзанный чувством вины, — готов покончить с собой, бросившись под поезд. Второй — идейный соратник его жены — спасает его, но сам, заболев, оказывается на грани смерти, от которой его спасает забота Сони. Ее присутствие у одра больного воспринимается им неоднозначно: «Это тюрьма, прохладная, зеленая, славная. Кто-то наклоняется ближе... чьи-то волосы, мягкие, легкие, душистые, касаются моего лба... Это невеликодушно... я не могу бороться, меня удержит слабая женская рука...» [Короленко, 1989, с. 65]. То есть Соня — сдерживающее начало, обещающее, однако, покой и свежесть, почти «золотая клетка». «Искателя» же не покидает желание идти туда, куда устремлялась Голубка, — вдаль, к великим свершениям во имя всего человечества. Чтобы стала яснее устремленность героя к высокому, даются символические видения: в бреду «искатель» видит «Голубку страдающую, чувствующую, живую». По контрасту ее супруг — «дубина», «здоровый и бодрый», «ее мучит» [Короленко, 1989, с. 63].

И, несмотря на нежность и заботу Сони, герой понимает, что не может соединиться с нею. Он объясняет это тем, что «есть целая область чувств», в которой они «друг для друга чужие» [Короленко, 1989, с. 70]. Герой мотивирует свой отказ жениться на Соне именно духовной чуждостью. Возникает своеобразное дублирование: как муж Голубки, Серёга, был не в состоянии ее понять, уговаривая отъединиться от мира и всю жизнь прожить лишь друг для друга, так и Соня только способна выполнять долг, ухаживая за «ближними», но никогда не станет помогать «дальним». Рассказчик восторгается Голубкой, Соня — нет. Он неудержим в своем движении, она довольствуется гармонией маленького мирка.

Заключительная часть повести — эпизод, переносящий рассказчика на десять лет вперед и подтверждающий правильность того, как он распорядился своей судьбой. Его попутчиками в поезде оказываются супруги с дочкой, и в них он узнает Голубева и Соню. Дается портрет героини, которого не было вначале: «Ее <...> спокойные черты красавицы матроны — носили отпечаток сознания правильно устроенной, исполненной добродетели, но и приятной жизни. Да, именно с таким выражением следует идти по дороге жизни, опираясь на руку Сергея Григорьевича Голубева!..» [Короленко, 1989, с. 77]. И, по контрасту с нею, во время одной из остановок поезда на перроне появляется сопровождающая раненых (идет русско-турецкая война) девушка-студентка, озябшая, едва оправившаяся от болезни (о чем мы узнаем из ее разговора со случайным попутчиком). Она становится словно бы реинкарнацией Голубки. Эта параллель усиливается, когда девочка спрашивает еще одного из присутствующих в купе, учителя, почему раненые мокли под дождем и почему никто не помог девушке, а он ей объясняет, что существуют люди, готовые жертвовать своим счастьем ради других. Это утверждение зло парирует Голубев, назвав таких людей «мучными червями», которые просто не хотят и не умеют быть счастливыми. И видно, что это не случайная реплика, а продуманная жизненная философия. Он явно «думал на эту тему, думал часто и со злобой» [Короленко, 1989, с. 77].

Короленко создает в последней сцене полифонию голосов. Голубев, девочка, учитель, Соня. А в памяти рассказчика в этот момент всплывает реплика Голубки: «О, Серёга, ты бываешь иногда удивительно глуп!..» [Короленко, 1989, с. 78]. Таким образом, утверждается непредсказуемость будущего. Вполне возможно, что в дочери Сони возродится Голубка и она станет подругой девушки, сопровождающей раненых.

Таким образом, уже в первой повести Короленко присутствуют разнообразные женские типы, к которым он будет обращаться и в дальнейшем. И если в образах матери и Эвелины из «Слепому музыканта» угадываются контуры Сониного характера, то героиня рассказа «Чудная» продолжает линию Голубки и девушки-студентки, причем в политической ссьальной Короленко подчеркнет непреклонность, которую можно даже расценить как вызов «мужскому миру».

Героиня, лишенная имени, воспринимается как «соперница» мужчин, отказавшись, по сути, от всякой атрибутики женственности. Она бесстрашно, истово отдается служению людям. И в этом

видится даже какой-то надрыв, потому что она не различает лиц и индивидуальностей. Так, она изгоняет пришедшего узнать о ее здоровье жандарма, поскольку он «враг». Для нее безразлично, сочувствует ли ей сопровождающий ее Гаврилов, равнодушен ли к ней Иванов. Она отторгает и отвергает их всех по классовым соображениям, но за этим прочитывается и противостояние «мужскому миру», «условности» которого она, однако, приняла. И только под воздействием товарища ссыльного (ее обезоруживает произнесенная им фраза, что «и враг тоже человек бывает» [Короленко, 1989, с. 93]) она «снисходит» до Гаврилова — протягивает ему руку. И закономерно, что при последней встрече уже она сама желает Гаврилову «когда-нибудь человеком стать — вполне <...>» [Короленко, 1989, с. 94]. То есть она оперирует уже не классовыми понятиями. Поэтому неудивительно, что при всей непримиримости, жесткости и даже злобе, которые переполняют ее, воздействие этой «сердитой барышни» на сопровождавшего ее жандарма поразительно. После встречи с ней и, позднее, известия о ее смерти в Гаврилове в полной мере просыпается человек. Он уже не может быть прежним, не может служить, не задумываясь, как раньше. Так, по Короленко, даже исковерканная женская душа оказывается способной внести свет в мужское сообщество. Но сама героиня гибнет, так как начала жить по законам «мужского мира», законам нелюбви, неприятия, разъединения, и прозрение к ней приходит слишком поздно.

С короленьковской теорией счастья, достижимого и на этой земле, Ф.Д. Батюшков связывает женский образ из повести «Марусина заимка» (1899). Судьба ссыльной хохлушки, сумевшей в конце концов добиться своего, создать ту обстановку, о которой она мечтала, запечатлена в символическом образе погнутой березки, которая все же сумела выпрямиться¹. Но опять-таки этого внимательного критика больше занимает контраст между склонным к бродяжничеству «романтиком» Степаном и «домовитым крестьянином» Тимофеем [Батюшков, 1910, с. 182], как и А.М. Скабичевского, обнаружившего в произведении «антагонизм оседлого и бродячего типов» [Летопись, с. 430]. Не стоит удивляться тому, что и остальные критики отметили только «бытовые особенности переселенческой жизни» и «богатый этнографический материал» [Летопись, с. 430]. Обойденным вниманием оказалось неожиданное разрешение любовного «треугольника».

¹ Сопоставление женщины с несгибаемым деревом уже возникало у писателя в рассказе «Чудная», где о героине говорилось, что «сломать» ее можно, а «сгнуть» нет.

Стремление к основательности и укорененности обнаруживает повествователь в сосланной женщине, Марусе, до того переходившей из рук в руки, что практиковалось у ссыльных. В сюжете рассказа можно услышать отголоски горьковских «Супругов Орловых» (1897). Героиня чем-то напоминает Матрену, а буйная удаля ее мужа Степана сродни неумности Григория Орлова. Но для Маруси, испытывающей неодолимую тягу к земле, единственным выходом для достижения желаемого равновесия оказывается «соединение» вялого Тимохи и неугомонного Степана на своей заимке. «Стремлением изломанной женской души держится весь этот маленький мирок» [Короленко, 1953, с. 342]: Тимоха преодолевает лень, Степан же находит силы остановиться в своем бесконечном движении. Но это равновесие длится недолго: Маруся понимает, что ей не удержать «искателя», и «соглашается» на Тимоху.

Каково же авторское отношение к описанному? Ограниченность желаний Маруси, казалось бы, порицается автором (в конце рассказывается притча о студенте, удовлетворившемся рублем вместо предложенных десяти), но вместе с тем явно демонстрируется, что Степан не способен к созиданию жизни: недаром он даже как-то «растворяется в пространстве» в конце. У Короленко есть ранняя повесть, названная им «С двух сторон» (1888), где он ищет возможность соединить «грезы сердца» и «суровую беспощадность <...> действительности» [Батюшков, 1910, с. 176]. Возможно, в «Марусиной заимке» предложен «рецепт» единства, удерживающего в равновесии «мужской» и «женский» миры.

Короленко, можно сказать, предложил своеобразную инновацию в сфере супружеских отношений в «полесской легенде» «Лес шумит» (1886). Эта легенда повествует о буре, разыгравшейся «прежде всего в людских сердцах» [Батюшков, 1902, с. 44]. Внешне сюжет выглядит как повествование о жизни лесника Романа, поданной в виде «нескольких последовательных фазисов развития характера» [Батюшков, 1902, с. 44], на которых критик останавливается подробно, постоянно держа в поле зрения исключительно героя. И самым существенным из этих фазисов является его супружеское соединение с Оксаной, которая ранее «согрешила» с паном, но явно не по своей воле. В жизнь Романа она привносит гармонию, хотя и временную, и при этом становится источником трагедии: Роман и его знакомый казак Опанас убивают пана, как бы мстя за ее унижение. Но и этот момент не является развязкой. Если поначалу казалось, что Оксана наделена вечной женской покорностью, бесконечным терпением, то теперь выясняется, что это смирение чисто внешнее.

На самом деле Оксане удастся выстроить шаткое равновесие: в отсутствие Романа ее часто навещает Опанас. И, как итог, — двое молодых людей, приходящихся «тем людям» внуками, один из которых похож на Опанаса, а другой на Романа. Иными словами, природа женщины (а с нею связан шум леса, который во сне слышит старик-рассказчик) способна изменить, пусть и ценой определенных нравственных компромиссов, существующий порядок, основанный на ненависти. И это совсем не осуждается ни человеком из народа (рассказчик), ни его слушателем (автор). Рассказ явно может быть трактован символически: созданная женщиной идиллия вырастает из трагедии.

Вообще, «женский мир» Короленко, живущий по своим природным законам (здесь он традиционалист), изображен как высший по отношению к миру мужскому, разъедаемому противоречиями. Если героев-мужчин мучают «поиски неудовлетворенной души» [Волжский, с. 34], то женщина у него обладает природной мудростью, которая подсказывает ей, как примириться с обстоятельствами или приспособиться к ним и сохранить баланс в этом мире, хотя бы призрачный и временный. Не случайно как бы заключает вереницу женских образов в произведениях Короленко образ Елены из рассказа «Не страшное» (1904). Это воплощение вневременной Красоты (аналогия с Еленой Прекрасной), оказывающейся выше тех дрязг, которые разъедают мужское сообщество. Несмотря на то что Елена предстает косвенной причиной убийства домовладельца Будникова, это ее не порочит, так как героиня, сохраняя в себе младенческую невинность², претерпевает возвышающие ее страдания. Она остается верна своему мужу Гавриле, пьянице и убийце.

Таковую же светоносную охранительную функцию выполняют в «Слепом музыканте» мать и невеста Петра. Но мужчине, чтобы состояться, надо, наполняясь этим светом, продолжать поиски... А вот то, к чему мужчины буквально продираются, женщины интуитивно предчувствуют. Не об этом ли говорит фраза рассказчика из рассказа «Не страшное»: «Но было что-то в этих голубых глазах, особенно в самой глубине... точно мерцал в них какой-то правильный инстинкт... Эти ее (Елены. — М.М.) глупые слезы были, может быть, единственным правильным, настоящим, пожалуй... позволю себе сказать, — самым умным во всей этой запутанной истории... Где-то

² «<...> глупость женская бывает порой особенная... Тут и наивность, и какая-то дремлющая невинность души» [Короленко, 1954, с. 363].

тут недалеко скрывался выход, точно потайная дверка³...» [Короленко, 1954, с. 366]. И если мужские образы насыщены конкретикой, то к женским вполне применимы слова критика Ф.Д. Батюшкова, сказанные, правда, по другому поводу, но в связи с творчеством Короленко: в них «чуются символы» [Батюшков, 1902, с. 33].

«Женский вопрос» как таковой вряд ли входил в сферу размышлений Короленко: ему не посвящена ни одна из множества публицистических статей в его наследии. Возможно, он не считал его «вопросом». Но создается впечатление, что рецепт его разрешения у него был и что в своей личной жизни он им воспользовался. Конечно, следует учитывать, что ему необыкновенно повезло: у него была любящая и заботливая мать, разделявшая его убеждения и поддерживавшая его во всем. Ее светозарный облик он запечатлел в «Истории моего современника», рассказав о трудной судьбе отданной замуж в четырнадцать лет девочке, которой удалось выстроить добрые отношения со своим равным супругом намного ее старше⁴, и дал ее имя самому светлому женскому образу в своем наследии — Эвелине, невесте Петруся в «Слепому музыканте». Счастлив он был и в супружестве, раз и навсегда выбрав в спутницы жизни человека, близкого по идейным убеждениям, — Евдокию Ивановскую, которую в домашнем обиходе звал Душа и с которой всегда советовался по общественным и редакторским делам. Наконец, он оказался счастливым отцом: старшая дочь Софья с 1905 г. стала секретарем и помощницей отца, которого буквально боготворила. Так что все благоприятствовало тому, чтобы запечатлеть на страницах произведений женщин, умевших находить мудрые разрешения готовых возникнуть конфликтов. Правомерна гипотеза, что динамику соображений Короленко относительно того, какое место в мире следует занимать женщине, отражает образ Чудной. Если в повести об «искателе» все его симпатии отданы устремленной вперед Голубке и той одинокой революционерке, которую рассказчик увидел на перроне, то со временем в нем поселились сомнения относительно

³ А.В. Луначарский интерпретировал эту «дверку» как призыв к формированию «целой фаланги женского героизма» [Луначарский, с. 98], но критик-большевик и не мог высказаться иначе.

⁴ В книге дочери писателя С.В. Короленко рассказывается о том, как заботился Владимир Галактионович о мучительно умиравшей от туберкулеза Эвелине Иосифовне, когда она переехала к нему в Полтаву, как он горевал после ее смерти. Но утешали его воспоминания о том, что она всегда «принимала дружеское участие в жизни детей», о «ее ссыльных скитаниях вместе с ними, помощи товарищам детей» [Короленко, 1968, с. 83].

категоричности и безапелляционности женского самопроявления. Не случайно же в «боярыне Морозовой», как прозвали ссыльную, в конце просыпаются примиряющие чувства.

Думается, что Короленко ждал от фемининности того «уравновешивающего» и обогащающего мироздание действия, которого не хватало мужскому сообществу. И это по-своему корреспондирует с мыслью Вяч. Иванова, которую тот высказал в статье «О достоинстве женщины» (1908). Иванов писал, что в женщине обнаруживается «большая и иная», чем в мужчине, «напряженность всемирного чувствования», «верность земле и чуткость к ее правде, своеобразная цельность характера, проистекающая из какой-то стихийной нормативности подсознательного бытия», в ней есть «более смелая, менее обусловленная нормами сознания, чем у мужчины, любовь к свободе» [Иванов, с. 140]. Конечно, следует помнить о цели Иванова, которая заключалась в создании теории соборного брака, замыкающего кольца индивидуальных супружеских уз. Но само суждение о «женском мире» как необходимом для полноценного осуществления «мира мужского», несомненно, близко короленковским построениям.

Известно, что в Полтаве в доме-музее Короленко хранится «Книга отражений» поэта-символиста И.Ф. Анненского с дарственной надписью, гласящей, что он подает руку писателю, находясь на «другом» берегу одной реки. Так что не должно удивлять совпадение взглядов Короленко на «женский мир» с тем, как видел его роль символист Вяч. Иванов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Источники

Батюшков Ф.Д. Владимир Галактионович Короленко // История русской литературы XIX века / под ред. Д.Н. Овсяннико-Куликовского. М.: Изд-ва МИР, 1910. Т. 5. С. 170–187.

Батюшков Ф.Д. Критические очерки и заметки о современниках. СПб.: А.Ф. Цинзерлинг, бывш. Мелье и К°, 1902. Ч. 2. 296 с.

Волжский. Поэзия и правда человечности в творчестве Вл.Г. Короленко // Волжский. Из мира литературных исканий: сб. ст. М.: Издание Д.Е. Жуковского, 1906. С. 21–69.

Иванов Вяч.И. Собр. соч.: в 4 т. Брюссель: Foyer Oriental Chrétien, 1979. Т. 3. 896 с.

Короленко С.В. Книга об отце. Ижевск: Удмуртия, 1968. 382 с.

Короленко В.Г. Собр. соч.: в 5 т. Л.: Худож. лит., 1989. Т. 1. 622 с.

Короленко В.Г. Собр. соч.: в 10 т. М.: ГИХЛ, 1953. Т. 1. 496 с.

Короленко В.Г. Собр. соч.: в 10 т. М.: ГИХЛ, 1954. Т. 3. 468 с.

Луначарский А.В. Чему учит В.Г. Короленко // Луначарский А.В. Этюды. М.; Пб.: Гос. изд-во, 1922. С. 72–108.

Исследования

Летопись литературных событий. 1899 год // Русская литература конца XIX – начала XX в. Девяностые годы. М.: Наука, 1968. С. 412–449.

Тажер Е.Б. Проблемы реализма и натурализма // Русская литература конца XIX – начала XX в. Девяностые годы. М.: Наука, 1968. С. 142–188.

REFERENCES

“Letopis’ literaturnykh sobytii. 1899 god” [“Chronicle of Literary Events”]. *Russkaia literatura kontsa XIX – nachala XX v. Devianostye gody* [Russian Literature in the Late 19th and Early 20th Centuries. The Nineties]. Moscow, Nauka Publ., 1968, pp. 412–449. (In Russ.)

Tager, E.B. “Problemy realizma i naturalizma” [“Problems of Realism and Naturalism”]. *Russkaia literatura kontsa XIX – nachala XX v. Devianostye gody* [Russian Literature in the Late 19th and Early 20th Centuries. The Nineties]. Moscow, Nauka Publ., 1968, pp. 142–188. (In Russ.)